

Сенсационная находка в архиве потомков великого русского поэта

Роман дочери Пушкина

Можно ли сегодня отыскать, обнаружить что-нибудь новое о Пушкине? Не только он сам, но и его окружение, его дети, внуки и правнуки изучены самым тщательным образом. И тем не менее... До сих пор никто не предполагал, что дочь Пушкина была склонна к художественному творчеству. В день памяти поэта «Известия» публикуют отрывок из романа Натальи Александровны Пушкиной в переводе Владимира Фридкина. Полностью роман выйдет в ближайшее время в издательстве «Захаров».

«Как психиатр и психотерапевт, я полагаю, что Наталья Александровна описала свою жизнь, переработав в романе мучительную историю своего первого брака. Очевидно, влечение к перу она унаследовала от своего отца»

Как нашлась рукопись

Графиня Клотильда фон МЕРЕНБЕРГ

В сороковые годы мой отец, граф Георг фон Меренберг, получил из Аргентины пакет от своей тетки Ады де Элиа, урожденной графини фон Меренберг, после ее кончины. После Второй мировой войны, живя в одной квартире с соседями, мы надеялись получить от богатой тетки из Южной Америки что-то ценное — и вот тебе на! В пакете была рукопись — листы старой бумаги, исписанные готическим шрифтом. Читать это никому не пришло в голову. И это «наследство», такое незначительное, как мы тогда полагали, было закинуто в шкаф...

В 1991 году я впервые приехала в Россию, в Петербург, и там стала изучать русский язык. И вот летом 2002 года случайно (а может, это была судьба?) я снова взяла этот пакет в руки. Я установила, что в пакете лежали набросок романа и его набело переписанная рукопись, выполненная мелкими готическими буквами. Между кусками немецкого текста попадались пассажи, написанные по-французски и по-русски, так что было ясно — автор привык писать кириллицей.

И чем больше я вчитывалась, тем больше узнавала в героине Вере автобиографические черты Натальи Александровны Пушкиной, после замужества графини фон Меренберг, моей прабабушки, в ее матери и хозяйке дома — Наталье Николаевне Пушкиной и в хозяйке дома — генерала Ланского, мужа вдовы Пушкина.

У Александра Сергеевича и Натальи Николаевны было четверо детей: Александр Александрович, Мария Александровна, Григорий Александрович и Наталья Александровна, которой к моменту трагической смерти отца исполнилось восемь месяцев и шесть дней.

Говорят, что поведением и характером она была похожа на отца. Юной девушкой она полюбила молодого графа Орлова (граф Островский в романе), но его родители не дали согласия на брак. Тогда про-

тив воли матери, из упрямства и отчаяния она вышла замуж за молодого Дубельта (Борис Беклешов в романе), позже ставшего генералом, сыном шефа Тайной полиции, который при жизни Пушкина вел за ним строжайшее наблюдение (старший Беклешов в романе). Брак этот был несчастлив. Муж много пил, играл в карты и бил жену.

В хозяйке дома и матери можно узнать Наталью Николаевну, которая через семь с лишним лет после гибели А.С. Пушкина вышла замуж за Петра Петровича Ланского (Петр Модестович Громов в романе).

Замечание Владимира о том, что Веру с рождения знает царица и поэтому, хотя она не представлена ко двору, она может посетить бал в Петергофе, также соответствует фактам: после гибели Пушкина царь оплатил его долги из личных средств, позаботился об образовании детей (сыновей в Пажеском корпусе) и назначил вдове ежегодную пенсию.

Старшая сестра Мария (в романе Ольга) буквально голодала во время русской революции. Она послужила прообразом Анны Карениной в одноименном романе Толстого.

На коронационном балу Александра II Наталья Александровна познакомилась с принцем Николаем фон Нассау. Они танцевали друг с другом всю ночь — какой скандал! Она последовала за Николаем в Висбаден, ее трое детей от первого брака остались в России с ее матерью. Только после того как царь разрешил развод, Н.А. Пушкина вышла замуж за принца Нассау. Наталья и ее трое детей получили имена графа и графини фон Меренберг, их герб сохранил цвета династии Нассау. Их сын Георг, граф фон Меренберг, — мой дедушка.

Как психиатр и психотерапевт, я полагаю, что Наталья Александровна описала свою жизнь, переработав в романе мучительную историю своего первого брака.

Очевидно, влечение к перу она унаследовала от своего отца.

Дочь Пушкина — Наталья Александровна фон Меренберг. Фотография конца 1860-х годов

Образ Натальи Николаевны нигде не был представлен так разносторонне, как в «Вере Петровне»

«Писала для своих детей и внуков»

Наталья Николаевна Пушкина. А. Брюллов. 1831–1832

Владимир ФРИДКИН

Наталья Александровна родилась 23 мая 1836 года, в день, когда Пушкин вернулся из Москвы в Петербург. 29 января 1837 года восьмилетнюю Ташу (вместе с тремя другими детьми) внесли в кабинет поэта, и умирающий отец благословил их.

С 1844 года, когда Наталья Николаевна вышла замуж за Петра Петровича Ланского, семья живет в Петербурге и Стрельне, где генерал-адъютант Ланской командовал лейб-гвардией полком.

Роман начинается с прогулки двух сестер, Веры и Ольги, и воспитанницы семьи Любочки (персонаж неизвестный и, возможно, вымышленный) весной или в самом начале лета в Свято-Сергиев монастырь, расположенный неподалеку от их дома в Стрельне. Автор знакомит нас

с сестрами, указывает их точный возраст (Вере едва исполнилось шестнадцать, Ольге — двадцать один). Таше минуло шестнадцать весной 1852 года. И хотя ее старшей сестре Марии в это время двадцать (а не двадцать один), начало действия романа можно уверенно отнести к концу мая — началу июня 1852 года. Ольга будто сошла с портрета Марии Александровны, выполненного художником Макаровым в 60-е годы. А внешность Веры описана в романе так, будто мы видим портрет Ташу, которую рисовал в 1849 году тот же художник. Вот как о ней пишет в 1856 году С.М. Загоскин: «В жизнь мою я не видел женщины более красивой, как Наталья Александровна, дочь поэта Пушкина. Высокого роста, чрезвычайно стройная, с величественными плечами и замечательною белизною лица, она сияла каким-то ослепительным блеском». И еще одно воспоминание — Е.А. Реннекамф, знакомой Н.А. Пушкиной: «Про красу ее скажу лишь одно: она была лучезарна. Если бы звезда сошла с неба на землю, она сияла бы так же ярко, как она. В большой зале становилось светлей, когда она входила, осанка у нее была царственная, плечи и руки очертаний богини». Говоря о Наталье Александровне, все современники отмечали, что она унаследовала характер отца — светлый, жизнерадостный и добрый и вместе с тем страстный, вспыльчивый и гордый. За словом она в карман не лезла. Еще и сейчас в Висбадене ходят легенды о ее находчивости и остроумии.

Несколько слов еще о двух главных героях романа — матери и хозяйке дома Марии Дмитриевне Громовой (Наталья Николаевна Пушкина-Ланская) и ее муже Петре Модестовиче Громове (Петр Петрович Ланской). Пожалуй, ни в одном из известных художественных произведений образ Натальи Николаевны не был представлен так психологически верно, разносторонне и выпукло, как в «Вере Петровне». Это уже не красавица, блиставшая в свете, но характер все тот же: добрый, сосредоточенный на любви к детям, несколько слабый и нерешительный, но умудренный горьким жизненным опытом. Зато образ Ланского передан точно и с симпатией, но несколько гротескно.

Перейдем теперь к истории первого, несчастливому, замужеству Натальи Александровны, истории, легшей в основу романа. Тот же Загоскин вспоминает о взаимной страстной любви Наташи Пушкиной и графа Николая Алексеевича Орлова (в романе — Владимир Островский), который был старше ее на восемь лет. Николай Орлов был сыном графа (с 1855 года — князя) Алексея Федоровича Орлова, могущественного вельможи, начальника III жандармского отделения, считавшегося правой рукой Николая I. Герои романа Вера (Наташа Пушкина) и Владимир (Николай Орлов) дружат с самого детства, и их детская привязанность перерастает в любовь. Николай Орлов, сходящийся с ума по шестнадцатилетней Таше, хотел свататься, однако Орлов-отец воспротивился этому браку. По его мнению, дочь Пушкина, поэт, находившегося всю жизнь под надзором III отделения, была недостойна стать женой графа Николая Орлова, которому готовилось блестящее дипломатическое будущее. В феврале следующего, 1853 года, то есть раньше чем через год, шестнадцатилетняя дочь поэта выходит замуж за Михаила Леонтьевича Дубельта, сына начальника штаба корпуса жандармов генерала Л.В. Ду-

беля, подчиненного сначала А.Х. Бенкендорфу, а позже А.Ф. Орлову, с 1835 года управляющего III отделением.

Хотя в письме к С.А. Соболевскому, другу Пушкина, Наталья Николаевна писала, что молодой Дубельт принят в ее семье как родной сын, она долгое время была в нерешительности. 6 января 1853 года, накануне свадьбы, она обреченно пишет П.А. Вяземскому: «Быстро перешла бесенок Таша из детства в зрелый возраст, но делать нечего — судьбу не обойдешь. Вот уже год борюсь с ней, наконец, покорила воле Божьей и нетерпению Дубельта».

Картежник и мот, необузданный скандалист, кутила и хам, каким предстает в романе Михаил Леонтьевич Дубельт, — таким он был и в жизни, по воспоминаниям современников. Мотаясь с женой по провинциальным гарнизонам (он был вначале подполковником Апшеронского пехотного полка), он проиграл в карты все приданое жены — 28 тысяч рублей. Только в 1864 году Наталья Александровна получает вид на отдельное жилище. (Между прочим, этот документ хранился в архиве ее правнучки Клотильды фон Меренберг, которая передала его в Пушкинский музей). Бракоразводный процесс тянулся до 18 мая 1867 года.

О дальнейшей судьбе Н.А. Пушкиной рассказывает ее правнучка Клотильда фон Меренберг. 1 июля 1867 года Наталья Александровна становится мorganaticкой женой принца Николая Нассауского, получает титул графини фон Меренберг и постоянно живет в Германии, в Висбадене. У нее и Николая Нассауского — трое детей. Старшая дочь, Софья Николаевна, вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича и положила начало английской аристократической ветви потомков Пушкина. Средняя дочь, Александра Николаевна, вышла замуж за аргентинца Максимо де Элиа и умерла в 1950 году в Буэнос-Айресе. Именно от нее семья получила немецкую рукопись «Веры Петровны». Старший сын, граф Георг Меренберг (дедушка графини Клотильды), женился на дочери Александра II — светлейшей княгине Ольге Александровне Юрьевской.

А теперь самый трудный вопрос — вопрос об авторстве романа. Клотильда фон Меренберг, правнучка Н.А. Пушкиной, считает, что автором романа является сама Наталья Александровна. Рукопись романа хранилась у ее дочери Александры Николаевны. Ни она, ни двое других детей Н.А. Пушкиной, разумеется, не могли быть авторами: они никогда не были и не жили в России. Они не видели ни дачи в Стрельне, ни Петергофа, ни тем более Ярославля, описанного живыми гоголевскими красками.

Но почему роман написан по-немецки? Возможно, Н.А. Пушкина-Меренберг не адресовала его русскому читателю. Быть может, писала его для своих детей и внуков, которые по-русски почти не читали. Графическая экспертиза вряд ли имеет смысл: наверняка Наталья Александровна текст диктовала. Здесь много вопросов, на которые едва ли будет получен ответ. Но время создания романа можно датировать с относительной точностью. Вспоминан о даче Громовых, построенной в итальянском стиле, автор пишет о событиях, произошедших «примерно 30–40 лет назад». Таким образом, можно считать, что роман был написан в 1880–90-х годах.

Вера Петровна

Фрагмент романа

...Примерно в двадцати верстах от Петербурга на полпути к Петергофу, излюбленной летней резиденции царя Николая, в Стрельне, лет тридцать или сорок тому назад, стояла одна из таких дач в итальянском стиле. От проезжей дороги ее отделял тенистый сад. В центре виллы — неизбежная обитая зеленой веранда, с которой широкая лестница вела в сад. Между могучими деревьями мелкая дорожка моря, морская дорожка в Кронштадт. В теплые летние вечера на веранде собиралась семья и ее многочисленные гости, друзья и знакомые.

— А я знаю, почему тебе гулять здесь не хочется, — ответила Любочка в том же тоне. — Ведь Владимир Николаевич все еще задерживается в городе.

— Почему вы не можете жить в мире и разговаривать, как друзья, не обижая друг друга? — пыталась успокоить их Ольга Петровна, третья девушка. — А я должна ждать, пока ваша дис-

куссия о Борисе и Владимире наконец закончится? Лучше уж мне было не выходить за ворота. Вот что, я предлагаю идти в монастырь. Там сад сейчас весь в цвету.

— Да, да! Это отличная мысль, — сказала Вера, радостно хлопая в ладоши. — Там такие забавные монахи, толстые и добрые. И у них очень смешные лица, когда они разговаривают с дамами.

— Фу, Вера, как ты можешь говорить так о монахах. Ведь это же святые люди. Вообще лучше, если ты не будешь говорить о том, чего не понимаешь.

Острое слово готово было сорваться с языка Веры, и ей стоило усилий сдержаться и промолчать.

Предложение Ольги не встретило возражений, и незамеченная троича отправилась в монастырский сад.

Ольга и Вера были сестры. Первой было двадцать один, второй едва исполнилось шестнадцать. Любочка была средней, на год моложе Ольги. Обе сестры во всех отношениях были так непохожи друг на друга, что вряд ли посторонний мог принять их за сестер. Ольга, среднего роста, выглядела не как дитя холодного севера, а как уроженка Андалузии: иссиня-черные волосы, бледное лицо, которое в редкие моменты волнения обретало знойный южный колорит. Он придавал ей большую привлекательность. Черные, глубоко посаженные глаза, правильные черты лица, небольшие белоснежные зубы завершали этот прелестный портрет. Ее характер казался вялым и апатичным. Она как бы не проявляла себя, не старалась выставить в выгодном свете природное обаяние. Поэтому, несмотря на свою красоту, Ольга не имела в свете большого успеха. И тем

больше ее любили в семье, где ее доброта всех успокаивала и примиряла.

В полную противоположность сестре Вера была высокой и стройной и, несмотря на разницу в возрасте, была выше Ольги почти на голову. Ее пышные волосы имели матовый пепельно-серый оттенок, будто присыпаны пудрой. Над глазами, темными, как у лани, — размах черных бровей, лицо имело милое плутовское выражение, и его кожа казалась еще белее от нежных пунцовых щек. Зубы были правильной формы, хоть и не такие мелкие, как у Ольги; красивый рот был больше, чем у сестры, имел слегка надменное выражение и, казалось, всегда был готов говорить или смеяться. От старшей сестры она отличалась не только наружностью, но и характером. Насколько Ольга была спокойной и большей частью молчаливой, настолько Вера была задорной, раскованной и полной жизни. Смелая наездница, она была решительной в споре и острой на язык, если дело касалось ее внешности или внезапная мысль приходила ей в голову. В свет она еще не выходила. Но среди многочисленных посетителей родительского дома у нее был большой круг друзей и поклонников, которых она умела ладить со всеми. Вот только Любочка была исключением. Ее она не переносила и это отношение к ней ни в малейшей степени не скрывала.

Любочка, или по бапошке Любовь Степановна, была симпатична. Одного роста с Ольгой, хорошо сложена, рыжие волосы, отливающие золотым блеском. Ровные зубы и цвет лица, обычно встречающийся у рыжих девушек. И только вызывающе торчащий нос придавал ей нескромное выражение. У нее были светло-серые глаза, внимательно и холодно смотревшие

из-под густых, почти белых ресниц, и тонкие, резко очерченные губы. На балах, которые она посещала с Ольгой, несмотря ни на что, она имела успех. Она нравилась и умела быть любезной.

Сестер вырастил Громов. О прошлом их собственной семьи речи не заводились. А об имени своего отца ни Ольга, ни Вера не приходило в голову говорить с Любочкой, которая воспитывалась с ними вместе. Хотя в семье к ней относились как к третьей сестре, Любочка чувствовала себя чужой. Она считала себя Золушкой, невинной жертвой судьбы. К сожалению, с годами это ложное чувство не ослабевало. Наоборот, усиливалось. Чувство благодарности за содеянное добро ей было незнакомо. Мастерская скрывать свои чувства, она похоронила их в себе самой, и никто не мог бы их обнаружить.

Понятно, что этот характер никак не гармонировал с характером Веры, прямым и открытым. В детстве их обоюдная антипатия проявлялась в размовах, позднее в словесных перепалках, еще более болезненных. Вера никогда не упускала возможности пошутить над Любочкой, а та часто воспринимала это как обиду и оскорбление. И только в редких случаях Любочка отвечала в том же тоне. Она копила в сердце против доброй Веры заряд ненависти и надеялась когда-нибудь с лихвой его отплатить.

Сегодняшнюю прогулку Вера и Любочка, как обычно, начали со словесной пикировки. На этот раз предмет спора касался обеих девушек и был особенно чувствителен. И поэтому на этот раз Любочка изменила своей обычной сдержанности и ответила на нападение Веры. И хотя стычка недолго продолжалась, она оставила неприятный привкус. И против обыкновения девушки шли молча. Ольга надеялась, что мир на-

ступил надолго. Но Верин задорный характер не дал ей успокоиться.

Вскоре Вера обратилась к Ольге с вопросом: — Как ты думаешь, Оленька, встретим ли мы, как назло, молодого Беклешова? Он мало симпатичен, и один его вид испортил мне настроение на целый день.

— Невелика потеря, — ответила Любочка с сарказмом, прежде чем Ольга успела слово оставить. — Вообще я не понимаю, что ты имеешь против бедного Бориса, который всегда так любезен с тобой. И потом, твоё замечание для меня вдвойне неприятно. Ты ведь знаешь, что я считаю Бориса Ивановича своим другом.

— То, что я сказала о Борисе, — только мое мнение. Ты с ним можешь не соглашаться, — ответила Вера. — Но хочу дать тебе хороший совет, Любочка. Выкинь ты Беклешова из головы, ведь он никогда на тебе не женится.

— А это почему? — спросила Любочка, накаляясь.

— А какой ему интерес жениться на никому неизвестной оставленной родителями девушке, которая не принесет ему ни карьеры, ни связи, — ответила Вера, глядя прямо Любочке в глаза. — А жениться по любви, да еще против воли отца, — он не из тех мужчин.

Ольга бросила на девушек неодобрительный взгляд. Столь обидные слова Любочка слышала впервые. От Вериних слов на ее лице выступили пятна, а тонкие губы мстительно сжались. И она ответила тихим дрожащим голосом: — Тебе нет нужды давать мне советы, в которых я не нуждаюсь. К тому же я намного старше тебя. И с полным правом могу ответить тебе тем же и посоветовать меньше думать о Владимире Островском. Больше думай о своих уроках по чтению.

— К счастью, ты не моя гувернантка и мои уроки тебя не касаются, — упрямо ответила Вера. — Владимир Николаевич — мой друг, и я думаю о нем столько, сколько мне угодно.

— Это, конечно, твоё дело, — отвечала Любочка, — но к свадьбе это не приведет. Все, что ты сказала о Борисе, можно сказать и о Владимире.

— Я не думаю о свадьбе так, как ты о ней думаешь, Любочка.

— А винограды то зелен, — иронически засмеялась Любочка.

— Смеется тот, кто смеется последним, — ударом на удар ответила Вера.

— Ты можешь смеяться, — сказала Любочка, — но Владимир еще не скоро соберется на тебе жениться.

— А этого я совсем не понимаю.

— Уж не объяснил ли он тебе в любви? — недоверчиво спросила Любочка.

Вера промолчала. Любочка выдержала паузу и продолжила:

— Мне трудно поверить, что единственный сын могущественного графа Островского, любимец царя, отдаст тебе руку и сердце. Он может подыскать себе партию получше.

Словесная перепалка становилась все резче и угрожала принять рискованный оборот. Ольга, преодолев себя, наконец вмешалась и, как старшая, своим авторитетом установила непрочный мир.

— Ну, хватит! Я сыта по горло вашими ссорами, — сказала она. — Больше ни слова о Борисе Ивановиче и Владимире Николаевиче. Ты, Вера, уже вышла из малолетнего возраста для подобных детских драматик. Время покажет, из вас вас прав. А теперь, ради Бога, давайте наслаждаться прекрасной природой и сменным разговору.